

Сергей Григоров

Пренебрежимая
погрешность

12+

Сергей Григоров

Пренебрежимая погрешность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Григоров С. Л.

Пренебрежимая погрешность / С. Л. Григоров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Фрагмент пятилогии «Третий шаг» – научно-фантастическая повесть для интеллектуалов. Далекое высокотехнологичное будущее, когда человечество приобрело практически неограниченную власть над косной материей и возвращает к жизни давно умерших людей. Межзвездная экспедиция описана как выполнение научного проекта, когда каждому явлению ищется теоретическое объяснение, большая доля информации добывается косвенными, общенаучными методами; много внимания уделяется науковедческим, философским вопросам.

Содержание

Пролог	5
1. Звездолет	7
2. Старт	12
3. Разгон	17
4. Прыжок	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пролог

Прочитав сообщение, что первая исследовательская экспедиция Ремиты направляется к Медузе Страута, Ник Улин понял, что обязан оказаться в ее рядах.

Ремита издавна занимала особое место в Галактическом Содружестве. Внешне архаичная структура общества и пренебрежение ценностью жизни представителей правящей верхушки дисгармонировали с относительно высоким уровнем жизни всех слоев населения и тесными связями с магами Мериты. А когда поступило сенсационное сообщение о присоединении меритской общины к Ремите, в результате которого молодой король Олмир Пятый принял титул императора и возглавил Совет магов, то малейшие перипетии жизни Ремиты стали главными обсуждаемыми темами на всех галактических новостных каналах.

К моменту, когда Ник Улин прибыл на Ремиту, состав экспедиции был определен. Пришлось требовать аудиенции у самого Шоанара, главного императорского советника. Отказать ему, народному трибуну Квартара, было политически нецелесообразно, и Шоанар включил его в отряд астронавтов. Однако политика требует взаимности, и Ник Улин вынужден был обещать «взять шефство» над холлой Яфетом, личным телохранителем императора, вздумавшим побывать в космосе для повышения эрудиции.

Не только маги способны удивлять мир диковинками. Обыкновенные люди тоже могут творить чудеса, создавая невообразимые предметы. Всеобщее восхищение, например, вызывают Решатели Уренара. Поразительно также творение Лоркаса – холы, биологические роботы, изначально предназначавшиеся блезирцами для имитации гладиаторских боев древности.

Вскоре после того, как подросли первые холы, Лоркас выяснил, что их генетическая программа слишком рано прекращала формирование центральной нервной системы. Он тогда торопился занять место преподавателя в королевском лицее Ремиты и, «на ходу» подправляя досадный дефект, не придумал ничего лучшего, чем просто вшивание в мозг холам компьютерных узлов. Но как это было проделано! Мало того, что холы создали самодостаточную общественную систему. Некоторые из них смогли приобрести самосознание, разум ничуть не хуже человеческого.

Побывав в тысячах звездных систем, человечество неоднократно сталкивалось с иными расами разумных. Но только у тхланков структура мышления оказалась похожей на земную, прочие цивилизации мыслили иначе, зачастую – абсолютно непознаваемым образом. Испарилась прежняя надежда на взаимовыгодный обмен научно-техническими достижениями, создание братств Галактического Кольца и расцвет космической дипломатии. Любую плодотворную совместную деятельность с представителями иных рас разумных стали относить к пустым фантазиям. Единственная польза человечеству от контактов с Чужими, как заявил как-то Рон Шер, состояла в получении новых игр и прочих изысков для досуга. В результате окрепло убеждение об уникальности каждого очага возникновения Разума во Вселенной. И вот на тебе – появление у себя под боком разумных, иных телесно, но с человеческой системой мышления.

После встречи с советником Ник Улин месяц пробыл на Ремите, отдыхая от бешеного квартарского ритма жизни. Здесь у него не было никаких обязательств. Разве что – как дань традиции обмена знаниями между человеческими общинами, разделенными межзвездными расстояниями, – несколько лекций по антропологии аспирантам университетов Мифополя и Шера. Все остальное время он оказался предоставленным самому себе.

Ремита цвела и притягивала, как девица на выданье. Мгновенно перемещаясь с помощью кабинок нуль-транспортировки, плотной сетью опутавших всю планету, Ник Улин вволю налюбовался горными пейзажами Конды и ее подвесными дорогами, ловил свое изображение в бесчисленных хрустальных колоннах Шера, окунался в болотное марево Сольдерио и в негу Беззаботных островов, терял чувство реальности в парках Коколь-Вуха, углублялся в обман-

чивую хрупкость вечной сельвы. После объединения с меритской общиной ремитцы получили в свое распоряжение неограниченные ресурсы и как малые дети принялись воплощать в жизнь самые смелые фантазии. Всюду возникали причудливые постройки, парящие в облаках замки и плавающие в океанских глубинах города. Повсеместно, всевозможные – от малых в бытовых закутках до циклопических, высеченных из цельных скал – изображения Олмира Удерживателя, императора.

Когда-нибудь большинство шедевров помпезного новостроя, красочных, но неудобных для обитания, отомрет, прогнозировал Ник Улин. Останется лишь то, что строго функционально. И лики, коробящие и рационально мыслящих, и по-настоящему верующих людей, пропадут. А пока... пусть потешатся. Ну не возникло еще у ремитцев чувства ответственности перед собственным разумом и приютившим их миром. Не привыкли они смотреть дальше собственного носа – что поделаешь? Перестройка бытового сознания сообразно внезапно возросшим материальным возможностям всегда требует времени.

Получив вызов, он без всякого сожаления сразу отбыл в космопорт.

Более он уже никогда не ступал на поверхность планет.

1. Звездолет

Легко оттолкнувшись от шершавых поручней, Ник Улин полетел в бездну. Дал максимальное увеличение оптике скафандра. То ли обман зрения, то ли разрешающая способность датчиков была высока, но перед его взором застыли манящие немерцающие звезды, заструились разноцветные газовые облака. Сердце замерло в восхищении.

Рядом мощной торпедой промчался Яфет. Притормозил локтевыми движками, медленно приблизился, уравнив скорость.

– Красота-то какая!

Ну не может хола молча любоваться громадой мира! Подавив досадливую гримасу – наверняка Яфет видит его лицо – Ник Улин молча кивнул.

– Здесь звездная плотность на десять процентов выше, чем у Блезира, – сообщил Яфет менторским тоном. Подумав, добавил: – И почти в полтора раза выше, чем в окрестностях Земли. Потому что ближе к главной плоскости Галактики. Я прав?

Наученный горьким опытом, что любой вопрос хола требует ответа, Ник Улин поспешно сказал:

– Ну конечно.

Кто-то приближался к ним. Ник Улин вывел на мультитекран лица двух астронавтов, ближайших к нему в данный момент. Вторым после Яфета оказался Алексей Сквородников, их товарищ по команде-22.

– Куда, куда вы удалились, друзья мои грядущих дней? – пропел Сквородников. Потом ворчливо добавил: – Не слишком ли далеко вы забрались? Может, решили домчаться до канадской границы?

– Докуда? – удивился Яфет.

– Ну, это я так, к слову пришлось. Вон, наша «Норка» как далеко.

Ник Улин развернулся, чтобы вместить звездолет в прямое поле зрения, и порадовался точности и экономности своего управления реактивными движками. Не пропали навыки астронавта, оттачиваемые много лет назад. Яфет, чрезмерно резкий в движениях, забултыхался в разные стороны и застыл только после того, как значительно облегчил запас топлива в скафандре.

Они и в самом деле отделились неоправданно далеко, где-то на край разрешенной для индивидуальных прогулок зоны. Четырехкилометровая громада «Элеоноры» казалась детской игрушкой, подвешенной в безбрежном пространстве. Других звездолетов у причалов в это время не было, и их корабль загораживал всю осьминогopodobную конструкцию ремитского космопорта.

– Словно ружейный ствол с патронташем на поясе, – пробормотал Сквородников.

Ну откуда у ружейного ствола пояс? и почему ствол обязательно ружейный? и почему именно ствол, а не гвоздь? – не принял неуклюжего сравнения Ник Улин, но промолчал.

– Главный корпус «Элеоноры» имеет цилиндрическую форму с максимальным линейным размером четыре тысячи двести двадцать один метр, радиус округлых оснований около четырехсот восьмидесяти шести с половиной метров, – медленно произнес Яфет, почти дословно цитируя по памяти официальную инструкцию. – А в середине главного корпуса по цилиндрической оси в два ряда крепятся батареи двигательных устройств. Нам отсюда видны только реактивные движки.

Поскольку никакой реакции на его слова не последовало, хола после непродолжительной паузы продолжил:

– Я вчера изучал эти реактивные движители. Ужасно сложная конструкция, должен заметить. Зато необычайно надежная и многорежимная. А также долговечная.

– Насчет надежности и долговечности ты прав, – счел нужным прокомментировать Ник Улин. – Звездолеты практически не стареют. Используемые витаматериалы самовосстанавливаемые. Трущиеся конструкции и детали либо саморемонтирующиеся, либо легко заменяются на изготовленные в корабельных мастерских. Энергетические запасы почти неограниченны. В общем, исчезни в один прекрасный миг человечество – его звездолеты еще долго будут блуждать в космических просторах.

– Да, но утверждается, что не всякая подсистема звездолета сконструирована наилучшим образом.

– Оптимальность в целом не есть оптимальность в частном. Из высших соображений, например, принято решение: основная расходимая масса – обыкновенная вода. Более рациональным казалось бы использовать свинец: и плотность повыше, и дополнительная защита от жесткого космического излучения, и еще кой-какие полезные качества, включая устойчивость к возникающим конструкционным автоколебаниям. Допущена явная глупость? Как посмотреть. Свинец нельзя пить, и трансмутация его в другие химические элементы довольно сложна. А вот если рабочее тело – вода, то хотя бы ее на борту всегда будет в избытке. Если мне не изменяет память, сейчас на «Элеонору» загружено чуть более двух миллиардов тонн чистой воды.

– Совершенно правильно – два миллиарда тонн. Не считая запасенной для потребления экипажем и поддержания корабельных систем в рабочем состоянии. А почему именно вода? – нет вопросов. Она позволяет добиться коэффициента полезного действия – кэпэдэ – реактивных движков почти в сто процентов. Девяносто девять и еще три девятки после запятой.

– Надо же, – с деланным удивлением протянул Сковородников и пропел: – Какая мощь, какая мощь – пять девяток в кармане, и я не прочь...

Яфет принял игривый тон.

– Ваш сарказм неуместен! Пока вы блуждали в загробных снах, люди старались изо всех сил и далеко продвинулись по лестнице научно-технического прогресса.

– Да, славно я поспал. Более двух тысяч лет. Но вам того не желаю.

– Я бы не советовал принимать на веру любые цифры, не разобравшись в существе, – поспешил сгладить скользкий момент Ник Улин. – Кэпэдэ под единицу какого-то реактивного движка? – ну, это из области фантастики.

– Но я же своими глазами читал вчера!

– Упустили из виду прилагаемое разъяснение, что подразумевается под этим кэпэдэ. Реактивные двигатели основаны на отбрасывании вещества и потому просто не могут иметь высокий коэффициент полезного действия. Вам знакомо выражение «сохранение положения центра масс изолированной механической системы»? В нулевом приближении это означает следующее. Пусть наш Леша будет представлять собой точку отсчета, – Ник Улин подлетел к Яфету и коснулся его плеча. – Прошу для чистоты представления не пользоваться двигателями скафандра. Чтобы набрать скорость за счет реактивной силы, я должен отбросить в противоположную сторону некую массу. В данном случае вас, милейший.

Оттолкнувшись от холы, Ник Улин чинно поплыл в сторону от «Элеоноры». Яфету не так повезло: толчок заставил его медленно вращаться, но он мужественно терпел неудобство наглядного пособия.

– Так вот, дорогой Яфет, мы с вами представляли механическую систему. Центр масс ее был и всегда будет находиться рядом с Алексеем, если пренебречь действием внешних сил. Я за счет отталкивания вашей массы приобрел скорость движения во-он к той звездочке. Когда я подлечу к ней, вы – чтобы наш общий центр масс все время оставался на прежнем месте – окажетесь далеко в противоположном направлении. Так и любая ракета: кончик хвоста ее реактивной струи оказывается, как правило, гораздо дальше от точки старта, чем она сама.

Если под полезным действием понимать перенос звездолета на определенное расстояние, ваши девятки надо делить по крайней мере пополам.

– Но что тогда там понимали под кэпэдэ?

– Возможно, всего лишь рабочий коэффициент для расчета относительного количества тепловой энергии, которую необходимо отводить от дюз при работе двигателей.

– Ладно, посмотрю.

– Я получил напоминание о необходимости возвращения на «Элеонору», – сказал Сковородников. – Чтоб не опоздать на общее экспедиционное собрание.

– Ну и возвращайся, – ответил Яфет, замедляя вращение. – А я ничего не получал.

Ник Улин заглянул в полетный журнал. О нем тоже никто не побеспокоился. М-да, интересно... Социальный статус каждого члена человеческого общества не виден глазом, но отражается во множестве мелких деталей. В том числе в опеке со стороны окружающих компьютерных систем. О Сковородникове позаботились, а о личном телохранителе самого императора и трибуне Квартара – ни-ни. Что это за глыба такая, что за сверхважная шишка – Алексей Сковородников? Обычный человек, погибший на рубеже двадцать первого века, а сейчас вместе с немногими другими людьми возвращенный к жизни.

– Понравилось в открытом космосе? Но нам в самом деле пора возвращаться, – сказал он примирительно, обращаясь к холе. – Успеете еще нагуляться, когда будем кружить у Шара.

– Ладно, поплыли обратно, – буркнул Яфет.

Включив двигатели скафандров, они помчались к звездолету. Ник Улин успел затормозить у поручней, ограждающей входной люк. Яфет неуклюже ударился головой. Ни вскрика, ни сетований, но несколько раз хола все же дернул головой, как отряхивающаяся от воды собака. Сковородников спланировал неумело, но без неприятных последствий.

В первом тамбуре, под ледящим светом асептических ламп, они сбросили в утиль-аппараты навешиваемую амуницию – плечевые и поясные каркасы с реактивными двигательными установками – и разошлись по кабинам плазменного душа. Предстояло избавиться от внешней многослойной оболочки скафандров из витаматериалов. Отработанные технологии лепки конструкций из атомарных составляющих и «пропитки» их электромагнитными полями позволяли изготавливать броню, не затрудняющую движений, но надежно защищающую не только от жестких космических излучений, но и от опасных для жизни механических воздействий, даже от ударов микрометеоритов.

Ухватившись за специальные скобы и широко расставив ноги, Ник Улин с закрытыми глазами терпеливо переждал, пока с него не сползли последние капли тошнотворной пузырящейся массы в приемное отверстие под ногами. Уши заложило от сопровождающего пронзительного звука, и он несколько раз открыл и закрыл рот, восстанавливая слух. Довольно неприятная процедура. Зато гарантирующая полную хаотизацию всех химических структур и, тем самым, исключая даже гипотетическую возможность заноса внутрь звездолета не то что чужеродной жизни, но даже простейших упорядоченных образований, создающих сугубо теоретическую опасность для корабельных материалов.

Во втором тамбуре Ник Улин освободился от «бриджей» – нижней части скафандра, оснащенной системой сбора отходов жизнедеятельности астронавта, затем снял жилет, содержащий дыхательную систему. В нем были предусмотрены также карманы для термосов с питательной смесью, но поскольку они подавали заявку на выход в открытый космос на непродолжительное время, эти емкости на сей раз были пусты. После этого настал черед избавления от шлема с встроенным компьютером, гармонизирующим функционирование всех систем скафандра. Управление было комбинированным – посредством команд, снимаемых с глазных мышц, и мысленное. В обиходе ходило «мультиэкран», «дневник», «полетный журнал», но все это были надуманные сущности. Необходимая астронавту информация проецировалась непосредственно на сетчатку глаза.

Сняв шлем, Ник Улин подсоединил его главный разъем к считывающему устройству, чтобы запись о пребывании их в космосе осела в корабельных архивах. На нем осталась лишь внутренняя оболочка скафандра, плотно облегающая тело, словно вторая кожа. Тоже из витаминизированных материалов, но предназначенная не защищать, а лелеять. Она мгновенно устраняла все неприятные ощущения, в том числе нервный зуд и блуждающие боли неясной этиологии, впитывала потовые выделения. Содрав ее с себя, Ник Улин закинул все в утиль-аппарат. Вслед отправил шлем, когда загорелся зеленый огонек, оповещающий о завершении процесса считывания данных.

Когда-то простейшие рукотворные изделия – топор, нож, шуба и так далее – служили и сделавшему их, и его детям, внукам, правнукам. Сейчас Ник Улин уничтожил сложнейшие устройства, само появление которых было вызвано его минутной прихотью. Образ жизни на Квартаре подразумевал строжайшую экономию природных ресурсов для обеспечения сносного существования семидесятимиллиардного населения. Дома он бы еще подумал о нерациональности изготовления подобных вещей для разового пользования. Но здесь, на звездолете, его совесть даже не екнула: что поделаешь, таков порядок. Корабельные мастерские наштамповывают таких поделок сколько хочешь – зачем скардничать? Астронавты находятся на острие человечества, и глупо экономить за их счет.

Совершенно голый, он прошел в медицинскую кабинку. Водный душ, ионный массаж, осмотр каждого миллиметра кожи, просвечивание, взятие анализов, затем обсушка мощными потоками горячего воздуха – и наконец-то открылась комната для одевания. Процедура возвращения на звездолет завершена.

У лифта его догнал Яфет.

Кто впервые сталкивался с холой, испытывал острое чувство физической неполноценности. По всем измерениям Яфет был много больше любого человека. Глубоко посаженные глаза победно горят. Толстые ручищи до колен. Кожа какая-то ячеистая, будто змеиная. Под ней непрестанно перекачиваются мощные бугры мышц. На голове ни волосинки, даже брови, кажется, из роговицы. Стандартный астрокомбинезон, обтягивающий его, выглядел случайно прилепившейся тряпкой.

– Может, заглянем в столовую? – предложил он. – Она вот-вот закроется. Часа на три или четыре. Пока не закончится общее собрание, а затем – пока не отцепят буксиры. На всякий случай надо бы подкрепиться. И, кстати, я упустил один вопрос.

Ник Улин не ощущал голода, но решил составить холе компанию. В столовой взял себе стакан первого попавшего сока. Яфет, притаившись на стол горшочек с жарким, с вождением разглядывал его, ожидая когда тот остынет. Подошел Алексей Сквородников и пропел нечто вроде «спрашиваю Яфку, че он будет пить, а он мне отвечает, мол, голова болит». Хола не мог не ответить какой-нибудь колкостью – и начался разговор ни о чем.

Только при расставании Яфет, спохватившись, спросил:

– Когда вы говорили о сохранении положения центра масс изолированной механической системы, произнесли слова «в нулевом приближении». Что вы имели в виду и каково тогда ваше следующее приближение?

Времени для разговора уже не осталось, и Ник Улин ответил коротко:

– В нулевом потому, что то пустое пространство, которое мы видим собственными глазами и представляем себе продолжающимся куда-то очень далеко, – обман чувств и заблуждение разума. «Чистое» пространство, в котором справедливы изучаемые в начальной школе законы сохранения импульса, центра масс и прочих механических величин, – это абстракция, не имеющая никакого отношения к реальности. Выдумка, возникшая в незапамятные времена и используемая до сих пор только по причине экономии мыслительной энергии.

– А что же тогда это такое – пространство? – растерялся хола.

– То же самое, что и время, – функция гравитирующих масс. И не существует в их отсутствии. Если б было иначе, то люди не смогли бы совершать надпространственные прыжки и поныне жили бы все на Земле.

Яфет замер в задумчивости. Ник Улин, махнув ему рукой, пошел в свою каюту.

2. Старт

Как он и запрашивал, ему было предоставлено самое маленькое из помещений, предназначенных для проживания членов экспедиции, – всего-то шесть на шесть метров. Личный санитарный блок, примыкающий к ней, был больше.

В полном соответствии с корабельным уставом в каюте не было свободно лежащих, незакрепленных предметов. Никаких острых углов, вся мебель выдвижная. Каждая вещь знала свой закуток. Поддержку такого порядка в личном пространстве многие называли самой мучительной из тягот космических полетов, но для любого квартирца это казалось слабым раздражением их привычной среде обитания.

Посреди каюты выросло кресло, и Ник Улин уселся в него, мановением руки уничтожив фантомный тропический лес, до того заполняющий все помещение. Тут же зажглись конференц-экраны. На среднем из главных высвечивалась командная рубка, где вокруг ситуационного стола не спеша рассаживалось руководство экспедиции. На правом боковом экране в обычном мультипрограммном режиме мелькала новостная лента, на левом – справочные данные по техническим характеристикам различных корабельных систем. Нижний ряд экранов, снабженных аудиосистемой, допускающей разговор собеседников без выхода в общее информационное пространство, высвечивал ближайших коллег Ника Улина – членов команды-22.

Лидия Гиреева сидела неестественно прямо и неподвижно – лишь умненькие глазки шустро бегали по экранам. С последней их встречи она коротко постриглась и походила на проказливого мальчишку, готовящего новую каверзу. Щеки ее пылали от волнения.

Яфету мало было конференц-экранов – он скорчился над маленьким рабочим дисплеем. Учится, видимо, – прорехи в образовании у него действительно огромны.

Алексей Сквородников по-барски развалился в кресле, лениво помаргивая. Компьютерная программа, режиссирующая трансляцию видеоизображений, была, конечно же, квартирской, но не последней модификации – заостряла внимание на важных деталях, выхватывала необычности, но как-то лениво, без должной прыти. Ник Улин не сразу заметил на мочке уха Сквородникова прилепленную мушку аудиоплеера. Вот оно что: их товарищ постоянно слушает какие-то звуковые записи и посчитал возможным не прерывать сие занятие даже на общем собрании экспедиции. Еще один интересный факт, дополняющий пока еще эклектичную мозаику, характеризующую нетривиальность человека, тысячелетия проведенного в небывших.

Отсутствие в нижнем ряду изображения Вана Мерсье, Ник Улин вначале упустил. Только увидев руководителя их группы на главном экране, понял: их начальника ввели в высший руководящий состав экспедиции. Кстати, какова его официальная фамилия? Родовая – Мерсье, но Ван стал консортом Лусонским, получил герцогский титул, и его прежняя фамилия по местным обычаям вроде бы должна быть заменена... На справочном экране услужливо высветилось: маг Ван Лусонский, шестой заместитель начальника экспедиции, начальник двадцать второй команды особого назначения. А также: ремитский герцог, главный императорский прокурор, временно оставивший эту должность из-за проблем со здоровьем, и так далее.

– Здравствуйте, товарищи, – Антон Благов, капитан «Элеоноры» и начальник экспедиции, появился в командной рубке и на несколько мгновений заполнил собой весь экран. Внимательно изучил доступные только ему справки, представленные главным компьютером звездолета. – Все в сборе, здоровы и полны сил. Больных нет. Разрешите открыть общее предстартовое собрание экспедиции. Устраивайтесь поудобнее.

Изображение на главном экране, изменив масштаб, охватило все руководство экспедиции, собравшееся вокруг ситуационного стола. Восемь человек в стандартных комбинезонах,

но с золотыми нашивками сидели в первом ряду. За ними в высоких противоперегрузочных креслах расположились их ближайшие помощники.

– Согласно традиции, я детально обрисую цели предстоящего исследовательского полета, пусть даже для вас это не будет новостью. Как вы знаете, одними из самых загадочных и опасных космических образований считаются так называемые Медузы, создание которых приписывается Перворожденным – разумной расе, предположительно значительно старше человечества. Медузы представляют собой гигантские – протяженностью в тысячи астрономических единиц – куполообразные образования из квазибелковых молекул, проявляющих слабую электромагнитную активность. Длительное время полагали, что локализация этих объектов ограничивается окрестностями Сумеречных Созвездий. Однако сенсационное открытие уважаемого Анатолия Страута, научного руководителя нашей экспедиции и моего второго заместителя – Благова жестом представил аудитории сжавшегося в комочек человечка, сидевшего справа, – перевернуло прежние взгляды на пространственное распространение следов деятельности Перворожденных. Примерно десять лет назад...

На справочном экране Ника Улина высветилась уточняющая запись: такого-то числа, то есть девять лет два месяца назад... Квартарские программы обеспечивали сопровождение в реальном масштабе времени практически любой человеческой речи справочной информацией. К сожалению, большинство людей в Содружестве не умело правильно этим пользоваться, и Антон Благов относился к их числу. Пытаясь быть точным, он зачитывал отдельные фрагменты справок, видимые всем. Спыхватываясь – разрывал логику доклада, вынуждая компьютер давать и чисто образные разъяснения. Бездушное программное обеспечение мастерски справлялось с трудностями. Касательно восторженного описания Антоном Блазовым открытия Страута компьютерный комментарий, как показалось Нику Улину, содержал даже легкую иронию.

Давным-давно все наблюдения за звездным небом осуществляются в автоматическом режиме. Компьютеры ежедневно выдают «на гора» массу данных, требующих особого внимания и человеческой оценки. Все астрономические обсерватории завалены материалами наблюдений. Кто что интересное вытащит из накопленного – тому и честь соответствующего открытия. Анатолию Страуту случайно выпал джокер. Ученый мир сильно удивлялся, почему за несколько столетий никто не обратил внимания на Медузу, пребывающую на расстоянии всего-то тридцати световых лет от давно колонизированных планет, в зоне космоса, считающейся полностью изученной.

– Первоначальные расчеты показали, что Медуза Страута движется строго в направлении звездной системы Ремиты. Именно это обстоятельство определило цель первого полета строящегося в то время звездолета: считается, что создания Перворожденных опасны для населенных планет. Однако систематические наблюдения позволили снять опасения. Медуза в самом деле приближается к нам, но ее спролонгированная траектория проходит все же на значительном расстоянии, каковое по мнению научного сообщества Галактического Содружества признано безопасным для Ремиты.

Справочные экраны затопил шквал информации. Антон Благов, также просматривающий мелькающие графики и диаграммы, неумело дополнил компьютерную справку в общем-то ненужными, второстепенными деталями.

– В этих условиях администрация Ремиты сочла возможным удовлетворить просьбу Илвина Ли, командующего Пятой эскадрой Межзвездного Флота, и временно передать «Элеонору» в его распоряжение. Примерно год назад – на справочном экране появилось: тринадцать месяцев двадцать суток – звездолет был возвращен. При перегоне «Элеоноры» с Ценодва временный экипаж, чтобы извлечь хоть какую-нибудь пользу от порожнего рейса, решил проложить трассу от Медузы Страута к Ремите.

Астронавигационные данные компьютер дополнил справкой о комплектации «Элеоноры» при перелете с Центральной-2. Во флоте Илвина Ли ее использовали как передвижной госпиталь, базу для релаксации астронавтов. Поэтому она была предельно облегчена, все исследовательское оборудование снято. Никакого вооружения. После передачи корабля ремитскому экипажу в трюмы была заложена сотня-другая тонн наноэлектронных изделий, до изготовления которых на Ремите руки не доходили, и все.

– При выходе из надпространства в окрестностях Медузы было проведено зондирование по Эве-Си – на экранах высветилось разъяснение, что подразумевается под этой тонкой и трудоемкой процедурой исследования пространства, – в результате которой был обнаружен планетоидный шатун с остатками атмосферы из благородных газов. Размеры его сравнимы с земными – радиус почти шесть тысяч километров, сила тяжести на поверхности около трех четвертых единицы. Впоследствии он был назван Шаром.

Антон Благов подождал, пока на экранах не пройдет бурный поток пояснений, и медленно продолжил, давая компьютеру время на прогон обильного справочного материала:

– Результаты физико-химических и радиоизотопных анализов приповерхностного слоя показали, что возраст Шара сравним с возрастом видимой нам части Метагалактики и составляет более десяти миллиардов лет.

В этой части Галактики не должны попадаться тела, возраст которых был бы выше семи-восьми миллиардов лет. Существование Шара противоречило современной космогонии. И, как не раз бывало в истории, этот факт старательно замалчивался ученой общественностью. Семь раз проверь – один раз отрежь? Чтобы не оказаться смешным в глазах коллег, помолчать до выяснения всех обстоятельств? Если им удастся найти ответ на эту загадку, экспедицию уже можно будет считать успешной.

– Точнее определить временные параметры, – продолжал капитан, – не представляется возможным из-за отсутствия отработанной методики: человечество еще не встречалось со столь древними объектами. В то же время прямые измерения температуры пород Шара и, соответственно, расчетные потери тепла за счет инфракрасного излучения в космос не позволяли свести энергетический баланс. За столь долгое существование никакое обычное планетоидное тело не может не остыть до абсолютного нуля. Исходя из данного несоответствия был сделан вывод об искусственном происхождении Шара и наличия внутри него чрезвычайно долгоживущих источников энергии.

Необходимую паузу капитан заполнил, со вкусом выпив стакан воды.

– Подчиняясь приказу диспетчерской службы Флота, дальнейшие исследования осуществлялись с предельной осторожностью и только дистанционно. Не было никакого просвечивания Шара. Внутренняя структура определялась по его собственному излучению и измерениям магнитных полей. Было определено, что Шар представляет собой как бы слепок отдельных, четко выделяемых эллипсоидов вращения, поверхность которых обладает фактически единичным показателем отражения во всем электромагнитном спектре. Размеры этих «ядрышек» – около полутора тысяч километров. Скрепление их осуществляется породами высокой гомогенности, состоящими в основном из силикатов. Словно какой великан скатал горсть гальки в глине и забросил в космос...

Антон Благов помолчал, оценивая, согласился ли компьютер с его сравнением.

– Данный факт признан как второе неопровержимое доказательство искусственного происхождения Шара...

А Лидочка-то неотрывно смотрит только на Вана Лусонского, дошло вдруг до Ника Улина. Ни до кого и ни до чего другого ей нет дела.

– На двадцатые сутки барражирования около Шара стало понятно, что последующее наблюдение за ним малопродуктивно. Изделие Перворожденных словно впало в спячку, не проявляло никакой активности. Поведение Медузы Страута – аналогично. В сложившейся

ситуации, учитывая исключительную сложность изучения чужих артефактов и налаживания контактов с носителями иного разума, в соответствии с рекомендациями верховного командования Межзвездного Флота и Галактической академии наук экипаж принял решение прекратить дальнейшее исследование Шара.

Яфет откинулся в кресле, предчувствуя завершение затянувшегося капитанского экскурса в прошлое.

– В свете отмеченных обстоятельств, нашей экспедиции поставлены следующие главные задачи. Первая – всестороннее исследование космического объекта с условным названием «Шар», отталкиваясь от гипотезы о его искусственном происхождении. Вторая задача – изучение Медузы Страута, то есть максимально полное описание ее пространственной и молекулярной структур, физико-химического состава, электромагнитной активности и так далее и тому подобное. Нам дана санкция Галактического Содружества осуществлять при решении этих задач любые действия исходя из конкретно складывающихся обстоятельств. Поскольку не исключается возможность прямого выхода на представителей иного разума, научный потенциал нашей экспедиции усилен специальной группой Академии наук Содружества под руководством...

Ба, внутренне взвился Ник Улин, а ведь третий справа от капитана – его давний знакомый по Четвертой, Илвиновской экспедиции к Сумеречным Созвездиям! Имя всплыло в памяти чуть раньше, чем его назвал Антон Благов: Макуайр. Да, действительно один из самых известных ксенологов Содружества. Что-то сильно похудел он за последние годы.

– Я обязан задать обычные в нашем положении вопросы, – голос Антона Благова окреп. – Все ли из вас добровольно, без какого бы то ни было принуждения согласились принять участие в экспедиции? Все ли готовы подтвердить свои обязательства, ранее данные письменно, соблюдать устав Межзвездного Флота и безоговорочно выполнять приказы командования, не противоречащие единым законам Галактического Содружества, даже если выполнение этих приказов сопряжено с риском для собственной жизни? Все ли обязуются безоговорочно нести тяготы и лишения, обусловленные пребыванием в космических аппаратах, в течение всего срока работы экспедиции и, если возникнут непреодолимые обстоятельства или руководством будет принято соответствующее решение, остаться в космосе, на «Элеоноре» или вне ее и далее на неопределенный срок? Есть ли у кого обоснованные предложения по исключению из экспедиционного состава того или иного человека? Прошу незамедлительно ответить на поставленные вопросы. Жду.

Ник Улин послушно выдал «да, да, да, нет».

– Завидное единодушие, – прокомментировал Антон Благов сводные результаты опроса. – Итак, с этой минуты я в полном объеме принимаю на себя руководство экспедиции. Представляю своих заместителей...

Собственно говоря, когда начальником экспедиции был капитан звездолета, назначение своих заместителей считалось его личным делом. Но по флотской традиции, что за тысячелетия космической деятельности человечества стала беспрекословным руководством к действию, первым заместителем всегда назначался старший помощник, старпом, организующий и направляющий работу всех внутренних служб звездолета за исключением навигаторской. Место второго заместителя отдавалось ответственному за выполнение научной программы полета, третье – первому навигатору. Далее традиция допускала варианты – последующими заместителями могли быть главный энергетик или выбранный пассажирами староста, начальники медицинской службы или десантного подразделения или еще кто.

В целом решение Антона Благова по отбору своих заместителей представлялось Нику Улину разумным. Разве что Ван Лусонский, начальник второстепенного маленького подразделения с неясными функциональными обязанностями, выглядел белой вороной. Примерно такой же инородной фигурой казался Рональд Грей, начальник службы психологической без-

опасности, назначенный в заместители капитана в обход главврача. Удивительно бесцветное существо. К тому ж, как и Макуайр, не являющийся императорским подданным. А ведь ремитцы крайне не любят подчиняться «залетным варягам». Чем вызвано данное обстоятельство?

Ларчик, по мнению Ника Улина, открывался просто – стоило только ознакомиться с биографическими данными Рональда Грея. Он, оказывается, член коллегии Комитета Защиты Человечества. После позора с историей Шамона козачи ой как бояться вызвать малейшее недовольство императора Олмира в свой адрес и напрочь отказались от всех мероприятий в отношении его подданных. Однако требование присутствия на каждом звездолете функционера КЗЧ никто не отменял. Проблему решили самым простым образом: прислали якобы в знак уважения видную публичную фигуру. Ремитцы ответили встречной любезностью: ввели Рональда Грея в руководящий состав экспедиции, по сути легализовав надзор над экспедицией со стороны КЗЧ. Политика – дело тонкое.

А Ван Лусонский стал замом, вероятно, только благодаря своему статусу мага и герцогскому титулу. Больше не за что его выделять из прочих руководителей групп и команд.

– Общее собрание предлагаю считать закрытым, – меж тем объявил Антон Благов. – Прошу подготовиться к старту. Ввести десятиминутную...

Судя по реакции старпома, капитан сделал что-то не так. Промах был исправлен молниеносно:

– Руководителям служб доложить о техническом состоянии систем корабля и о готовности к старту.

Все данные высвечивались перед капитаном на специальном экране, но традиция есть традиция: положено выслушать личные доклады подчиненных – будь добр слушать.

Пока шла обычная предстартовая процедура, Ник Улин перекинулся парой фраз с Лидой, притушил возникшую было новую пикировку между Яфетом и Сквородниковым, ответил Вану Лусонскому, вздумавшему поприветствовать своих непосредственных подчиненных, и поудобнее устроился в кресле – первые минуты, когда звездолет отводили от причала мощные буксирные катера, иногда возникали неприятные толчки и перегрузки. Очередная команда Антона Благова застала его за восстановлением в каюте фантома густого тропического леса.

– Отдать швартовы! – разнеслись по «Элеоноре» слова капитана.

Ну кто сейчас знает, что такое «швартовы», и почему их надо кому-то отдавать!

Много слов и оборотов речи потеряли свое бывшее значение, подумал Ник Улин. Из глубин памяти выполз еще один пример: задорный боевой клич «сарынь на кичку». Кто сейчас сможет объяснить смысл этих слов?

Очередная команда Благова прозвучала в унисон мыслям квартарского трибуна.

Команда состояла всего из одного слова. Того, что произносится каждый раз, когда человеческий космический корабль отправляется в полет.

Того, что было произнесено первым человеком, вырвавшимся в космос:

– Поехали!

3. Разгон

Светлая безмятежность съежилась в микроскопический овал, из которого хлынула чернота, и Алексей Сквородников понял, что проснулся.

Он уже давно не вскакивал в горестном отчаянии. Но, как и прежде, вынужден был несколько мгновений приходить в себя, вспоминая, кто он, где он и что он должен делать.

Его кровать – можно ли это ложе, низкое и всюду мягкое называть кроватью? – затерялась посреди безграничной пустыни. Воздух по-утреннему свеж, но чуть-чуть пахнет пережженной сковородкой. Вблизи проглядывает нормальный пол, смутно напоминающий паркет. Но где-то в полуметре уже накатывается тоненький слой мельчайшего песка. А далее вырастают целые барханы с рифлеными от ветра боками, нескончаемыми колоннами устремляясь к горизонту. Редкими неуверенными пятнами чахнут засохшие до коричневости дерева. Низкое небо, освещаемое всходящим солнцем, нависает многотонной темно-синей громадой. Как он здесь очутился?

Невольное желание броситься выяснять, как он в одиночестве, но на вполне цивилизованном лежаке оказался в пустыне, легко ушло, ибо в подсознании сидело, что ничего страшного – надо только вспомнить, к чему все это.

И он вспомнил: вчера он экспериментировал с бытовой техникой, да так и уснул.

Закрыв глаза, мысленно приказывая фантому раствориться. Открыл. Каюта приняла прежние формы. Абсолютно голая комната размерами десять на десять метров. От иллюзии песка не сохранилось даже запаха.

По привычке горестно кряхтя, сел. Должна была занять спина, напоминая о разбитых межпозвоноковых дисках, а в тазобедренном суставе – последствия бывшего ранения – поджидала удобного момента острая боль. Ничего не болело. Даже шрамов не осталось. Устранили теперешние эскулапы ранее приобретенные им памятные метки. Движения легки и свободны. Тело переполняет задорная энергия, несвойственная ему в прежней жизни. Вроде бы и он здесь сейчас, а вроде бы и не он. Вроде бы живой... да не совсем.

Встал, подошел к стене-экрану, послушно высветившей обзорную картинку. Его каюта была глубоко внутри звездолета, да и вообще, как он смог лично убедиться, у «Элеоноры» не было ни одного иллюминатора, но телевизионное изображение давало полную иллюзию, что за тончайшей прозрачной перегородкой разверзлась пропасть. Угрожающе горели немигающие звезды. Внизу, у самого пола хищно металась сполохи от факелов непрестанно работающих реактивных двигателей.

Яфет как-то заговорил с Ником Улиным, что коли луч прожектора в космическом вакууме не виден сбоку – нет молекул воздуха, рассеивающих свет, – то и реактивные струи двигателей звездолета не должны были видны. Тем более что выбрасываемая дюзами плазма такой температуры, что излучает разве что далеко за оптическим диапазоном. Телевизионные датчики, мол, подсовывают им неверную картинку. Ник Улин степенно отвечал, что да, в первом приближении луч прожектора в глубоком вакууме сбоку не виден... если пренебречь квантовыми эффектами. Кроме того, полный вакуум – это абстракция, нет такового в природе. А реактивные струи всегда будут видны хотя бы из-за спонтанно образующейся турбулентности. Взаимодействие различных по плотности плазменных сред характеризуется широким энергетическим распределением, что и порождает попутное хаотичное свечение... Грустно ему было слушать ту тарабарщину.

Зажглись информационные экраны. Малый, вспомогательный, высвечивал лишь оценки состояния физического и психического здоровья членов команды-22 – все бодрствовали и пребывали в отличном настроении. От их начальника, Вана Лусонского было сообщение: на

сегодня назначен званный обед, приглашен старший помощник капитана; всем к такому-то часу быть в банкетном зале номер три, дресскод – смотри приложение.

На главных информационных экранах шла обычная подборка общекорабельных новостей: текущие галактические координаты «Элеоноры», характеристики окружающего космического пространства, огромный массив постоянно контролируемых технических параметров, в отдельных окошечках, раскрывающихся от одного только взгляда на них, показывалось, чем заняты звездолетчики сейчас, каковы дневные планы их работ, и так далее. При желании можно было понаблюдать за любым членом экипажа – от юнги до самого капитана – при исполнении им служебных обязанностей. Можно было лично поучаствовать в любом производственном совещании, дать свои предложения, покритиковать. Он никак не мог привыкнуть к такой открытости.

В свое время ему объяснили, что в Галактическом Содружестве одну из главных причин возникновения в прошлом общественных волнений устранили самым принципиальным образом: обязали все земные общины следовать единому закону, налагающему запрет на искажение или засекречивание любой информации. Каждый имел право знать все и обо всем. Однако жизненные реалии оказались несовместимыми с подобной открытостью. В сфере социально значимых профессий развились свои языки, понятные только посвященным. Он много раз присутствовал на различных медицинских консилиумах, где обсуждалось состояние его здоровья, но почти ничего не понимал из того, что говорили врачи. Изменились и этические правила поведения: считалось крайне неприличным ставить в неудобное положение собеседника и задавать прямые вопросы, на которые тот не желал отвечать. Кроме того, заматерело зарождающееся на заре компьютерной эры искусство закапывания файлов в информационном мусоре.

В прошлой жизни он видел тогдашние, весьма несовершенные компьютеры только издали. Здесь без общения с интеллектуальными машинами нельзя было и часа прожить. После воскрешения он упорно овладевал новыми для себя навыками. Однако, несмотря на все старания, путешествия в виртуальной реальности давались ему с большим трудом. Предприняв несколько безуспешных попыток докопаться, что на самом деле думают о нем теперешние и какие планы в отношении него строят, он убедился: все, что ему действительно не положено знать, сам он никогда и не узнает, сколько б времени он ни потратил на сидение за компьютерным пультом. Вот тебе и доступность информации!

Принять личное участие в работе экипажа? Возможность чисто теоретическая. А на практике – чем он, при его уровне знаний, может быть полезным? Сейчас, например, полным ходом идет подготовка к выключению реактивных двигателей и переходу в илин-парковый режим набора скорости. Что он может по этому поводу сказать, совершенно не представляя, как не-ракета вообще может ускоряться в безвоздушном пространстве?

Раньше ему удавалось испытывать чувство быть нужным другим людям. Но все привычное утонуло в веках, осталось разве что... Мгновенное воспоминание включило миниатюрный аудиоплеер, прилепленный к уху. Раздалось смутно знакомое «утро красит нежным светом стены древнего...». Вчера перед сном он поставил подборку песен, созданных за несколько десятилетий до своего первого рождения. Хорошие песни. Добрые. Задорные. Теребящие душу. А вот те, что были написаны в год его смерти, почему-то не вызывают никаких ассоциаций – ни приятных, ни неприятных. Словно бы та, прежняя жизнь заранее, еще перед физической смертью бесповоротно отторгла его.

Но он чужой и в этом мире «далекого далеко». Поначалу, когда приходилось приспосабливаться к новым условиям существования, его томило неясное чувство какой-то огромной потери. Потом добавилось ощущение полнейшей никчемности. Все, чего бы он ни пожелал, почти немедленно исполнялось. Будто бы попал он после смерти в рай, но болтается в нем никому не нужным телом. Ему нечего здесь делать. Нет у него ни цели, ни планов на будущее.

Ни знаний, ни профессии, ни какой бы то ни было полезной работы. «Учись», – говорили ему. Но учеба – это же не само дело, это подготовка. К чему?

Вон, с явной неприязнью подумал он, летят космолетчики за тридевять земель к какому-то Шару. Только несколько раз возникали мгновения, когда действительно чувствовалось: да, летим, изменяем скорость, пол уходит из-под ног или, наоборот, тело наливается тяжестью. Все остальное время как на обычной земле. Ходишь по бесконечным палубам как внутри большого закрытого здания. И это у них называется тяготы и лишения!?

Мысль о звездолете породила новую цепочку неприятных переживаний. Дернуло его сказать «хочу поучаствовать в космической экспедиции». Сказал – и забыл. Потом ему предложили: готовится полет на небольшое расстояние к очень интересному объекту, созданному на заре возникновения нашей Метагалактики, хотите лететь? С большими колебаниями – ну какой из него астронавт-исследователь! – он согласился. Мучаемый сомнениями, несколько раз хотел отказаться. А потом случайно наткнулся в компьютерной сети на переписку по поводу включения его в состав экспедиции Благова к Шару – уйма ходатайств, возражений и подтверждений, экспертных заключений солидных организаций... Ну как после этого взять свои слова обратно? И что они в нем нашли?

Завели как-то Яфет с Ником Улиным разговор, что можно бы и быстрее набирать скорость. Уж больно монотонно проходят дни за днем. Утомительно, видите ли.

– Я полагаю, что Благов старается исключить малейший риск, и в этом он прав, – сказал Ник Улин. – Не надо торопиться, когда можно не торопиться. Ускорение в две единицы – самый безопасный режим разгона.

– Но ведь нам очень долго придется набирать ту скорость, что была объявлена! Около ста тысяч километров в секунду, как я помню, – зачем так разгоняться? – не унимался хола.

– Этой скорости требует проверенная в предыдущем полете точка выхода из надпространства около Шара. Нас же никто не гонит. Тысячи и миллионы лет Шар существовал сам по себе. С тем же успехом он подождет нас, как бы мы ни задерживались.

– Ускорение в две единицы – это сколько? – машинально спросил он.

Яфет внимательно и, как показалось, немного удивленно посмотрел на товарища.

– Это два «же» – удвоенное ускорение свободного падения на Земле, – решил все же ответить, поняв, что Алексей Сквородников его не разыгрывает. – Около двадцати метров в секунду за секунду. С такой малой перегрузкой нам ускоряться целых два месяца!

– Но я не ощущаю вообще никаких перегрузок. Все как обычно, словно и не летим никуда.

Маленькие колючие глазки холы раскрылись шире. Наконец-то он встретил кого-то, кто знает меньше его.

– Работает гравитационная аппаратура. Она съедает одно «же». Из двух отнять один, получается просто «же» – та сила тяжести, к которой ты привык.

– Но, может, эта аппаратура не может сильнее работать, и мы набираем скорость так, чтобы не чувствовать дискомфорт? В детстве, помнится, я читал, что первые земные космонавты испытывали большие перегрузки – такие, что обычному человеку не пережить.

– Ну ты сказал! Да ее мощность позволяет постоянно держать искусственную силу тяжести в двадцать единиц! А пиковая – все сорок. Даже до пятидесяти!

– Так почему бы нам не двигаться пошустрее?

– Да-к и я о том же!

Ник Улин решил вмешаться:

– Девяностопятипроцентный резерв мощности установок искусственной гравитации считается достаточной гарантией безопасности. Дело в том, что космическое пространство – это не пустота. Особенно вблизи галактической эклиптики. Довольно часто попадают газы облака. Чрезвычайно редко, но тоже бывает – одинокие макроскопические тела. Столкнове-

ния с ними очень опасны: не столько повреждениями внешней обшивки звездолета, сколько резкими гашениями скорости, влекущими перегрузки, как правило, не совместимые с жизнью человека.

– Но мы же выжигаем все пространство впереди! Я только вчера изучал, как «Элеонора» ионизирует вещество прямо по курсу лазерным излучением, а затем раздвигает образовавшуюся плазму магнитными полями.

– Все равно возникают приличные колебания импульса движения. Они компенсируются в жилой зоне изменениями искусственной силы тяжести. В итоге мы вообще не чувствуем противодействия среды. Но считайте, что нам просто повезло. Мне приходилось летать в условиях, когда от встрясок и дрожания не знал, куда деться...

– Немножко все ж можно было бы и потерпеть, – не унимался Яфет. – Зато быстрее бы прилетели.

– Успокаивай себя мыслью, что тормозить у Шара мы будем гораздо сильнее.

Алексей Сквородников промолчал, сообразив, что при торможении встречная реактивная струя будет попутно расчищать пространство перед звездолетом.

Свободный поток мыслей прервал зуммер вызова. Стоило только подумать, кто это – так прямо в воздухе перед ним возник фантом: голова Яфета, обрамленная лавровым венком.

– Милый Лешик, – произнесла голова, заговорщицки подмигивая, – ты не забыл, что нам пора в спортзал?

– Да я как-то и не помнил, – честно признался Сквородников.

– Выходи. Жду тебя у лифта.

Обязательные ежедневные физические упражнения, как сказал Ник Улин, – традиция, заложенная первыми космическими полетами. Тогда из-за слабой энерговооруженности космолетов астронавты много времени находились в состоянии невесомости и могли поддерживать здоровье только интенсивными физическими нагрузками.

Послушно протянув положенное время, Алексей Сквородников вышел из тренажерной кабинки. Постоял некоторое время, наблюдая за тем, как издевался над собой Яфет. Хола привязал к ногам многопудовые гири и с этим утяжелением подтягивался на перекладине. Лицо его, насколько можно было читать по нему, лучилось счастьем. Насчитав более ста подтягиваний и сбившись после этого со счета, Алексей, махнув товарищу рукой, отправился в свою каюту заниматься утренним туалетом.

Примерно через полчаса Ник Улин, Яфет и Алексей Сквородников встретились в столовой – подошло время завтрака. Лиды по обыкновению не было.

Обеденный зал мог вместить, наверное, всех людей, летящих на «Элеоноре» и еще раза три по столько же. Меж тем, каждой команде и службе предписывалось принимать пищу в строго назначенный час. Почему? Задумавшись, Алексей Сквородников поймал редко посещающее его после пробуждения от многовекового сна ощущение гармонии, вместе с которым пришла догадка: руководство экспедиции старается не допустить, чтобы элеонорцы собирались вместе в одном помещении. Чтобы в каждый момент времени экипаж более-менее равномерно распределялся по жилым и служебным помещениям.

Яфет, расправившись с горой салата, удовлетворенно крикнул и придвинул к себе поднос с омлетом, нашпигованным ветчиной. Ник Улин обреченно возился со своей микроскопической порцией овсянки с цукатами.

– Завидую я тем, кто каждое дело делает от души, – сказал Алексей Сквородников, пододвигая ближе пшеничную кашу. – Физзарядка – так физзарядка. Обед – так чтоб за ушами трещало. Счастливый ты, Яфка.

– Я? Да, грех мне жаловаться. Но ты все же не совсем прав. Здесь для меня не созданы достойные условия для физических занятий.

– Не понял, – удивился Сквородников. – Мне казалось, что ты просто излучаешь удовольствие, болтаясь на перекладине.

– Лешик, запомни раз и навсегда: мы, холы, в физическом отношении сильно отличаемся от людей. У нас иной метаболизм, по-иному работают нервные центры, ответственные за получение и оценку телесных ощущений. Нам необходимы ежедневные и очень сильные в твоём понимании физические нагрузки, чтобы чувствовать себя здоровым. Для нас наивысшее удовольствие – испытывать сверхпредельное напряжение физических сил. Поверь, от подтягиваний с утяжелением у меня нет никакого удовольствия...

– Ну еще бы, – вставил Алексей Сквородников.

– ... а вот от их количества – бывает. Иногда. К слову, мне повезло, что хоть пища здесь хорошая – шлаки из организма легко вымываются. Мне здесь хватает всего одного посещения спорткомплекса, чтобы чувствовать себя нормально.

– Ты хочешь сказать, что в других условиях ты днюешь и ночуешь в спортзале?

– Не то, чтоб ночую, но в течение дня частенько приходится поддерживать тонус специальными упражнениями. Для нас, холов, это так же естественно, как дышать.

Алексей Сквородников недоверчиво посмотрел на холу.

– Что тебе надо, чтобы получать глубокое удовлетворение от занятий физкультурой?

– Обычно я тренируюсь со спарринг-партнером. На Ремиту захватил с собой троих своих безымянных. Один из них – очень даже достойный противник на ринге. Но два других, к сожалению, оказались годными только для легкой разминки. Пользы от них немного. Заставляю их копаться в Информатории. Вместо переносного калькулятора использую. Да даю исправлять грамматические ошибки – я редкая бездарность в письменном деле.

– Хм – «захватил». Ты говоришь о них, как о простых вещах. Они что, твои рабы?

– Любите вы, люди, бросаться разными словами, как плевками. Рабы – не рабы, но мои подопечные. Их жизненная функция – выполнять мои указания, оберегать, всячески заботиться обо мне.

– Не понял. Они тоже холы. Такие же, как ты.

– Такие, да не такие. Они не имеют права на получение имени.

– Почему?

– Они неразумны!

– Ну как же! Ты же сам говорил: нужную тебе информацию подыскивают. Считать умеют.

Грамотно писать.

– Ох, Лешик, не в этом счастье. Любой компьютер даст сто очков форы человеку при проведении логических и арифметических операций. То же – при распознавании образов и классификации. И мои подопечные в этом деле, возможно, опередят меня. Ну и что? Все равно они подобны механизму. Не могут додумываться до нового, непривычного. Не могут воспринимать метафоры и иносказания... ну, почти не могут. Придумывать – точно им не под силу. Ты не мог бы общаться с ними так, как со мной – тебя начал бы раздражать их чересчур правильный язык, когда каждое слово употребляется только в своем главном значении. Они войдут в ступор, если, например, наткнутся без контекста на словосочетание «туп, как валенок» – валенок же и должен быть с тупым носком, а думать его никто ведь не заставляет. В общем, не доросли они до получения собственного имени, и все тут!

– По моим наблюдениям... из прошлой жизни... люди в основной своей массе так и живут: денежки считать может – значит, умный человек. Умеет жить. А книжки читать да красиво говорить вовсе не обязательно. Отработал свое, принял на грудь, добрел до дома, поел, уставился в телевизор – вот и хорошо. Так и бегут день за днем, как в степи поезда.

– Ну, не знаю, как там было у вас раньше. Может, и сейчас нечасто люди в полную силу применяют свой разум. Но понимают символизм слов и образов? Понимают важность реше-

ния той или иной практической задачи? Способны додумываться до чего-то принципиально нового? Значит, они разумны.

– А ежели кто не хочет додумываться до чего-то новенького?

– Значит, предпочитает вести растительный, как ты говоришь, образ жизни. Это его право. Но запомни раз и навсегда: разум есть способность производить принципиально невычислитель... тьфу ты... невычислибельные умозаключения.

– Что-то неправильно у тебя, – не сдавался Алексей Сквородников. – Сравни существование любого животного и образ жизни человека, обращающегося со всевозможной бытовой техникой, слушающего музыку, разговаривающего с кем-либо по телефону, смотрящего последние поступления из интересующего его новостного пакета... Знающего, наконец, великое множество всего того, о чем даже не догадывается самое умное животное. Неужели этой разницы мало для отделения разумного от неразумного?

Яфет в затруднении уставился на Ника Улина.

– Возможно, сотворение и постоянное усложнение искусственной среды обитания и является достаточным признаком разумности, – пришел на помощь хохле квартарец. – Однако надо четко разделять количественные показатели от качественных. Нельзя сбрасывать со счетов голое подражание. Не всегда можно понять, по какой причине поступает человек в той или иной ситуации – по своему ли разумению, или потому, что ранее подсмотрел чье-то поведение и скопировал. Человек кажется умным потому, что живет в обществе, создавшем цивилизацию и культуру. Но так повсюду в мире живого: всевозможные полезные навыки точно таким же образом, как человеческий социум, «держат» в себе отдельные сообщества животных. В конце концов, чтобы кошка ловила мышей, ее мать должна показать ей, как это делается.

– Значит, я могу подтвердить свою разумность только если придумаю что-то эдакое? – спросил Сквородников.

– Ну... – Яфет смутился – я бы сказал немного по-другому: если твои рассуждения окажутся непредсказуемыми, принципиально неформализуемыми. Пусть даже в какой-то мелочи, в самой-самой что ни на есть «чуть-чуть». Это та форма мышления, обладание которой качественным образом отделяет любого разумного от компьютера. Позволяет заниматься искусствами. Познавать окружающий мир.

Алексей Сквородников вопросительно посмотрел на Ника Улина. Тот ответил:

– Яфет говорит правильно. По содержанию. Но по форме – просто чудовищно.

– То есть?

– То есть в современной науке существование различных уровней мышления – общепризнанный факт. Но употребляются для описания сего феномена совсем другие слова. Поскольку эта научная область относится практически к моей профессиональной сфере, я не буду распространяться на эту тему, чтобы не запутать вас.

Яфет, казалось, еще больше расправил свои необъятные плечи.

– Вы, люди, любите наводить тень на плетень, – сказал он. – Сейчас говорите одно, а раньше – другое. В старину утверждали, что творить, угадывать тайный смысл слов человеку помогает Святой Дух. Другие же заявляли, что человек отличается от неразумных созданий тем, что имеет душу. И в то же время говорили, что душой обладают многие животные – кошки, лошади, собаки. То есть существа явно неразумные, хотя и довольно смысленные. Я так и не смог разобраться, как уживались вместе эти противоречащие друг другу взгляды. Было такое?

– Все было, дорогой Яфет. Путь познания тернист. Даже если взял правильный курс, все равно приходится залезать во все ямы и закутки, что встречаются по дороге.

– А некоторые ваши ученые в древности полагали, что человеческий мозг не генератор, а всего лишь приемник новых мыслей от некоего Единого Вселенского Информационного Поля.

– Да-да, – лукаво сказал Алексей Сквородников, вспоминая свои чувства после воскресения, – надо только хорошую антенну воткнуть куда следует. Кстати, сегодня наш начальник

устраивает званый обед. Приглашен старший помощник капитана. А я совсем не представляю, что это такое – званый обед, и как проходят такие мероприятия.

– Давненько не бывал я на званных обедах, – протянул Ник Улин, отодвигая от себя пустую тарелку.

– Я волнуюсь, – сказал Сквородников.

– Не надо волноваться – сейчас я все расскажу, – уверенно сказал Яфет, подыгрывая Сквородникову. – Званных обедов я переобедал целую кучу и еще маленькую тележку. Первым делом надо позаботиться о наряде: вы должны одеться так, чтобы бояться любой соринки, которая теоретически могла бы попасть на вас. А также чтобы испытывать огромные неудобства, какую бы позу вы ни приняли за столом. В информационном приложении к приглашению, кстати, приведены образцы такой одежды.

– Не нравится мне это дело, – отозвался Сквородников.

– Нравится – не нравится – кого это интересует? Если мы непосредственно подчинены ремитскому герцогу, нам придется вести интенсивную светскую жизнь. Думаете, ему очень хочется мучиться несколько часов за столом? Как бы еще бал не пришлось ему организовывать, да на целую ночь. Вот тогда-то мы и попляшем!

– Надо будет – и споем, и спляшем, – заверил Сквородников. Затем добавил любимое прежде выражение, всплывшее в памяти только сейчас: – А кому сейчас легко?

Яфет воспрял и зашевелил губами, беззвучно повторяя очередной сквородниковский словесный шедевр, чтобы лучше запомнить.

– Ну, до светских балов вряд ли дело дойдет, – сказал Ник Улин.

– Будем надеяться.

– Должен предупредить, что за званым обедом большое значение придается способу потребления еды, – сказал Яфет. – Так что подучите требования этикета. Не мешало бы и потренироваться немного, как правильно держать вилку и нож, как накладывать себе на тарелку пищу. Заодно – вспомните правила ведения светской беседы. Это очень важно.

– Вспомнить можно только то, что знал, – сказал Алексей Сквородников. – Ладно, где наша не пропадала. То, что не знал, можно додумать. Разберемся.

После завтрака он по обыкновению засел за учебу. Распорядком дня астронавтам отводилось много часов на самоподготовку, а во время надпространственного прыжка – так вообще рекомендовалось круглосуточно совершенствоваться в выбранной области.

Он подозревал, что те, кто вернул его к жизни, не только устранили прежние его телесные недостатки, но и усовершенствовали. Он стал лучше контролировать себя, мог совершать одновременно несколько дел. Внутри, в голове произошли серьезные изменения: буквально каждое слово или воспоминание – он чуть ли не физически ощущал это – порождали длинную вереницу образов, вначале ясных и сложных, а далее постепенно размывающихся капризными призраками. Значительно улучшилась память – он без труда запоминал огромное количество информации.

Погруженный в занятия, он пропустил час, когда постепенно начали отключать реактивные двигатели, пока их тяга не стала нулевой, и «Элеонора» помчалась, набирая скорость без выброса массы.

Из гипнотического транса его вывел Яфет, напомнивший о намеченном светском мероприятии.

4. Прыжок

– Сегодня я обнаружил интересный тренажер, – как-то за завтраком поведал Яфет. – Он позволяет проводить настоящие схватки по боевым искусствам, выравнивая силу и скорость реакции поединщикам. Леша, ты не желаешь стать моим спарринг-партнером?

– Нет конечно же. Отмахал свое я в детстве, еще до армии. – Видя недоумение на лицах собеседников, Алексей Сквородников пояснил: – В мое время молодых мужчин на два года превращали в солдат. Это называлось пройти срочную службу в армии. Так вот, до того, как стать солдатом, я дрался довольно много. Это была одна из наших главных забав. А еще было великое множество сезонных развлечений. Я, признаюсь честно, с детства был испорченный ребенок, на маму и на папу не похож, и потому всюду принимал самое деятельное участие. Зимой мы купались в проруби, весной – лазали на гладко струганный столб да мутузились мешками с сеном, летом качались на «тарзанке», круглогодично – катались, зацепившись, на автобусах и трамваях...

– Своеобразные спортивные состязания.

– Ну, к спорту все эти дела мы не относили, хотя и существовали тогда определенные правила. Более важным считалось опровергнуть наиболее ожидаемый результат. Скажем, всяких дзюдоистов и каратистов мы били тогда с особым удовольствием.

– А после этой твоей армии?

– А после все стало совершенно по-иному. Изменилась жизнь. Причем самым коренным образом. Понаехали к нам чужаки. Каждый всегда имел при себе либо нож, либо пистолет, и ради интереса драться с ними не было никакой возможности. В общем, началась одна сплошная проза.

– Значит, с тех пор ты ни с кем не дрался?

– Ну почему – не дрался? Остановила меня как-то темная компания – я тогда машины перегонял из-за границы – выскочил я с монтировкой, но получил удар по затылку, и больше ничего не помню. Очнулся – гипс. Точнее – медицинская палата на Яшаре.

Повисла тишина.

– Извините, – сказал Яфет, – я не знал, что мои вопросы доставят вам такие неприятные воспоминания. Больше не буду вам досаждать.

– Дыши ровнее, Яфка.

Хола уткнулся в тарелку. Сначала потихоньку, потом все увереннее и увереннее стал поглощать пищу. Но глаза не решался поднять, боясь встретиться со взглядом Сквородникова.

Ник Улин почти зримо ощущал возникшую преграду между ними и человеком, воскресшим из далекого прошлого.

Разрядил обстановку очередной вопрос Алексея Сквородникова:

– Слышь, Яфка, вроде бы завтра наша «Эля» войдет в надпространство. Что это такое? Расскажи, пожалуйста. Я понял, что должен буду крепко поработать над собой. Но что я при этом буду чувствовать?

– Ты что, в первый раз летишь?

– Да. Впервые.

– Как же ты оказался на Ремите?

– Как-как, да никак! С Яшара меня по этому самому... нуль-туннелю меритскому переправили на эту, как ее... Элефантиду, оттуда – прямиком в ремитский космопорт, а потом уже на саму планету. Вроде бы и был в космосе, а вроде бы и не был. Скафандр вот впервые надел, когда прогуливался около звездолета вместе с вами. До этого, можно сказать, что и звезд не видел.

– Понятненко, – ввернул хола сковородниковское словцо.

– Что ж тебе понятненко-то, а?

– Темный, однако, ты человек.

– Да я разве отрицаю? – примирительно сказал Сковородников. – Темный, как египетская ночь. Но не скрываю, в отличие от некоторых, свою темноту.

– Какая ночь?

– Египетская.

– Какая!?

– Да такая. Почему я знаю, какая! Никогда я в Египте не был. Говорят так. Точнее, в мое время говорили. А как сейчас гутарят – не знаю.

– Понятненко, – повторил Яфет. – Ты знаком с квантовой физикой?

Сковородников смутился.

– Раньше – разве что только слышал краем уха об этой фрукте. Не помню уж, что именно. А здесь... В предложенной мне литературе попалось несколько популярных статей. Но не в коня корм. Читал, но мало что в голове осталось. Какие-то высшие измерения, квантовое детектирование... в общем, с моей точки зрения сплошной бред. Все эти мудрствования не для трудового народа.

– Ладно, слушай сюда и запоминай, что говорит тебе хола, про которого ты по недомыслию намекаешь, что он темный. Ежели обойтись двумя словами, то под надпространством понимается либо пространство каких-то следующих – не привычных нам трех – измерений, либо особое состояние, в котором вообще нет пространства в нашем понимании. Какую точку зрения принять, зависит от соответствующей научной школы. В первом случае считается, что сверхбыстрое перемещение звездолета обусловлено тем, что в высших пространственных измерениях скорости много выше, чем в обычных условиях. А во втором случае полагают, что звездолет посылает вперед свой квантовомеханический образ, а потом, материализуясь, вновь преобразовывает его в самого себя. Понял?

– Не издевайся над устамшим человеком, пожалуйста. Говоришь, посылает самого себя? Как барон Мюнхгаузен вытаскивал самого себя за волосы из болота? Ну-ну.

– Мюхазен? Нет такого баронства на Ремите. Ты не ошибся?

– Нет, не ошибся. Я имел в виду мифическую личность моего прошлого, выделяющуюся неудержимой фантазией.

Ник Улин доел свою кашу и, попивая травяной чай, то ли невозмутимо слушал разговор напарников, то ли витал мыслями невесть где.

– Ну что ты не понимаешь?

– Не понимаю, как может быть то, что ты говоришь. Не понимаю, как в пустоте – а космический вакуум это есть пустота, не так ли? – можно перемещаться нереактивным способом. Не понимаю, как на самом деле устроено надпространство, и почему это зависит от какой-то человеческой научной школы.

Хола явно был в затруднении. Ник Улин пришел ему на помощь.

– Как «на самом деле» устроен мир – не известно. То ли высшие пространственные измерения, то ли некая особость – какая разница, если сие невозможно непосредственно почувствовать? Пишутся начальные соотношения, а потом начинаются математические преобразования и продолжаются до тех пор, пока не выводятся конечные формулы, проверяемые экспериментально. У двух научных теорий могут быть логически противоречивые друг другу исходные положения, а рекомендации и выводы одинаковыми.

– Не представляю, для чего это нужно и как такое безобразие можно терпеть.

– Еще и не то стерпишь, ежели иначе нельзя объяснить наблюдаемые факты. Вот простейший пример: аксиоматики геометрий Евклида и Лобачевского несовместны. В одной параллельные линии не пересекаются, во второй – пересекаются. Ну и что? Обе геометрии полезны.

Одна хорошо работает на плоскости, другая – на внутренней поверхности сферы, например. При решении конкретной задачи допустимо привлекать математический аппарат как первой, так и второй теории.

– Это, поди, исключение...

– Отнюдь. Давно подмечено: чем важнее закон, тем больше независимых изложений он имеет. Теорема Пифагора, например, имеет с десяток различных доказательств. Второй закон термодинамики – неисчислимо множество формулировок.

Алексей Сквородников в растерянности уткнулся в тарелку. Сказанное Ником Улиным не укладывалось у него в голове.

– Ну, и что молчим? – не унимался хола.

– Я задавал тебе простой вопрос: что я буду чувствовать, когда наша «Элеонора» будет находиться в надпространстве? А ты мне о теориях, об измерениях. Неужели трудно ответить просто и внятно? По-человечески.

– Успокойся, ничего с тобой не произойдет, если не будешь плохо думать. Все цвета как бы выгорят, станут блеклыми. Словно смотришь через белесое стекло. А материальные предметы размоются, расплывутся.

– Это как – размоются?

– Ну, тебе будет казаться, что потеряли четкую границу. Особенно те, что вдалеке от тебя. Это потому, что в надпространстве увеличивается масштаб чисто квантовых эффектов. Обобщенная постоянная Планка становится больше на несколько порядков.

– И что мне до этой планки?

– Планк – это не предмет. Это фамилия.

– Хорошо, учту. Что дальше?

– Окружающие тебя предметы смогут проникать друг в друга. Потому как будет размыта грань между маленькими частичками, невидимыми невооруженным взглядом, и большими, которые мы видим. В микромире ж совсем другие законы. Там каждая частица – волна, обладающая довольно большими размерами, и, одновременно, что-то вроде малюсенького камушка, о котором говорят: корпускула.

– Ну и что дальше?

– Боюсь, я тебя еще больше огорчу. Каждая микрочастица не только волна и корпускула, но также может одновременно находиться в нескольких состояниях. Проявляется это в том, например, что если на ее пути окажется два отверстия, то она будет пролетать как бы сразу через оба. Понимаешь? Но это еще не все! Все микрочастицы взаимодействуют между собой, и видов этих взаимодействий – тьма! Спиновое, зарядное, странное, глюонное, очарованное, хромо... если при появлении квантовой механики множили количество элементарных частиц, то потом увеличивали перечень квантоводинамических взаимодействий. Скорости передачи всех их во много раз выше скорости света в вакууме – максимальной скорости движения материальных тел. Это и понятно: обычные в нашем понимании материальные тела могут существовать только тогда, когда установлена матрица квантовых потенциалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.